

Цянь Фэй, жуя бетель, усмехнулся:

— Иди, тетушка Лю, иди. Дорога скользкая, ступай осторожнее.

Глаза Гу Чанъаня сузились. То, как этот парень смотрел на мачеху Чжан Луна, не предвещало ничего хорошего. Взгляд был красноречивым — хотел затащить в постель.

Другая сторона либо была не в курсе, либо молчаливо поощряла.

Цянь Фэй закинул одну ногу на табурет и, вальяжно наклонившись, принялся разглядывать незнакомца:

— Я дружок Чжан Луна, мы с ним с пеленок вместе росли. Как же так вышло, что я о тебе ни разу не слышал?

Гу Чанъань привычно потянулся указательным пальцем к переносице, чтобы поправить очки, но вовремя вспомнил, что сегодня на нем линзы, и поспешно перевел движение в легкое почесывание носа.

— Эй, я с тобой разговариваю.

Цянь Фэй хлопнул ладонью по столу:

— Не думай, что раз Чжан Лун сошел с ума, ты можешь прийти сюда и обвести его вокруг пальца!

Гу Чанъань указал на царившую в комнате разруху:

— И что, по-твоему, я могу здесь выманить?

Цянь Фэй выплюнул жвачку на пол и схватил парня за шиворот:

— Ты мне с самого порога не понравился. Говори, что тебе нужно?

Гу Чанъань позволил себя удерживать. Пока парик оставался на месте, ему было все равно.

— Я уличный художник, рисую там, где бываю. С Чжан Луном мы познакомились случайно. Если не веришь, можешь спросить у него самого.

Цянь Фэй брызнул слюной:

— Черт, ты меня за идиота держишь? Чжан Лун сейчас безумен, что толку у него спрашивать?

Уголок глаза Гу Чанъаня дернулся, он с трудом подавил желание достать салфетку и вытереть лицо.

— Я слышал от тетушки о его состоянии. Вероятно, он пережил какое-то потрясение, из-за чего временно лишился рассудка. Но ведь у него должны быть моменты просветления.

— Невозможно...

Голос внезапно оборвался. Лицо Цянь Фэя исказилось, но он тут же взял себя в руки и сухо сменил тему:

— Раз ты художник, покажи, на что способен.

Гу Чанъань не стал допытываться, почему это невозможно. Оглядевшись, он взял со столика шариковую ручку и принялся рисовать на куске картона в углу.

Помимо кулинарии, он умел практически всё, так что рисование было для него сущим пустяком.

Цянь Фэй подошел, взглянул на рисунок, и его лицо позеленело от ярости:

— Ты зачем меня нарисовал? Разве не знаешь, что нельзя рисовать лица красной ручкой?

Гу Чанъань замер:

— ...Что за чушь?

Цянь Фэй зачеркнул свое изображение на картоне. Его глаза расширились, и он проговорил по слогам:

— Рисовать лица красным — к покойнику.

— Правда? — переспросил Гу Чанъань. — Первый раз слышу.

Цянь Фэй тяжело задышал и зловеще прошипел:

— Если я умру, даже став призраком, я тебя не оставлю.

Гу Чанъань бросил ручку на пол. Ну что ж, если ты не боишься, что твоя душа развеется в прах, то пожалуйста.

У мачехи и закадычного друга были свои скелеты в шкафу — это был единственный улов Гу Чанъаня за утро. Он покинул дом Чжан Луна и, вспоминая вчерашний маршрут, направился к реке.

Цянь Фэй следовал за ним по пятам. Увидев знакомого, он поднял руку и по-хулигански окликнул:

— Брат Сяо Пэн, доброе утро!

Гу Чанъань остановился и обернулся. Из двора напротив дома Чжан Луна вышел мужчина с прической на пробор, такой гладкой, словно ее вылизала собака. Он был прилично одет, туфли начищены до блеска, а черты лица немного напоминали Чжан Луна.

Должно быть, двоюродный брат.

Чжан Пэн бросил взгляд на незнакомца рядом с Цянь Фэем, вопросительно приподняв бровь.

Цянь Фэй подошел ближе, пытаясь что-то прошептать на ухо Чжан Пэну, но тот отстранился, будто от мусора. Цянь Фэй с пренебрежением скривил губы:

— Тетушка Лю говорит, что он друг Чжан Луна.

В глазах Чжан Пэна мелькнуло недоумение. Неужели у него есть друзья из других мест?

Цянь Фэй пожал плечами:

— Ты его брат, и если ты не знаешь, то я тем более.

Чжан Пэн нахмурился и, не сказав ни слова, ушел.

— Это двоюродный брат Чжан Луна? — спросил Гу Чанъань. — Выглядит довольно сурово.

Цянь Фэй сплюнул:

— Собачий выродок.

Гу Чанъань слегка прислушался. Собачий выродок? Неужели дядя Чжан Луна носит рога? Он притворился, что не расслышал, и переспросил:

— Что ты сказал?

Цянь Фэй рявкнул:

— Ничего! Иди своей дорогой!

Гу Чанъань встретил вчерашнего старика, но тот его не узнал. Это было ожидаемо — он был вполне уверен в своей маскировке. В конце концов, с самого детства под присмотром старика он учился надевать маску за маской.

На берегу реки Чжан Луна не было. Гу Чанъань уже собрался поискать в другом месте, как вдруг заметил в воде голову.

Это был Чжан Лун.

Цянь Фэй тоже увидел его и выругался:

— В такую холодину он туда полез? Жить надоело?

Гу Чанъань бросил на него косой взгляд. Разве он не закадычный друг, с которым они вместе росли? Почему же сам не лезет в воду?

Цянь Фэй сделал вид, что не заметил его взгляда.

Мало того, что он не полез в воду, так еще и не выказал ни капли беспокойства, наблюдая за происходящим с видом зеваки. Вот тебе и закадычный друг, усмехнулся про себя Гу Чанъань.

Голова Чжан Луна внезапно дернулась, словно что-то под водой утянуло его за ногу.

Взгляд Гу Чанъаня мгновенно потемнел. Чжан Лун не может умереть.

В момент погружения в воду ледяной холод пронзил всё тело. Гу Чанъань, который с рождения боялся холода и едва выживал зимой, почувствовал, как волосы на голове встали дыбом. Только простуда прошла, и вот опять — черт возьми.

Цянь Фэй стоял на берегу и вопил:

— Друг, ты правда полез в воду? Вижу, я ошибся на твой счет, ты настоящий товарищ Чжан Луна! Жди здесь, я побегу звать людей!

Лицо Гу Чанъаня стало прозрачно-белым, сквозь кожу проступали синие вены. Он стиснул обескровленные губы и быстро поплыл к Чжан Луну.

— Чжан Лун, обернись!

Гу Чанъань позвал дважды, но Чжан Лун не реагировал.

Хотя календарно зима еще не наступила, погода в этом году была странной: с середины октября то и дело шел снег, земля промерзала, оттаивала и снова покрывалась льдом. Температура резко упала, и сейчас на улице стоял лютый мороз.

У Гу Чанъаня стучали зубы, казалось, кровь в жилах застывает. Приблизившись к Чжан Луну, он резко нырнул.

В тот же миг Чжан Лун начал отчаянно молотить ногами по воде, размахивать руками и кричать, поднимая фонтаны брызг.

На дне никого не было — или, вернее, кто-то был, но сейчас исчез.

Гу Чанъань не стал медлить. Он быстро вытащил Чжан Луна на берег. Сам он был насквозь промокшим, а его лицо напоминало холодный фарфор.

— Тебя что-то схватило за горло и тянуло вниз?

— Туфли... мои туфли... — Чжан Лун стоял на коленях, мучительно кашляя, слезы и слюни текли по лицу. — Кхе... кхе-кхе... я потерял свои туфли...

Даже в такой момент он думал только об этих проклятых туфлях.

Гу Чанъань машинально коснулся головы и изменился в лице. Черт! Парик потерялся!

Выловив парик бамбуковой палкой, он отжал воду и нацепил его обратно. Дрожа всем телом, Гу Чанъань повел Чжан Луна домой. По пути они встретили Цянь Фэя, который обещал позвать людей — тот сидел с кучкой хулиганов, курил и играл в карты.

— Цянь Фэй.

Услышав окрик, Цянь Фэй поднял голову, не вынимая сигареты изо рта. Он посмотрел на промокшего Чжан Луна, затем на парня, который его поддерживал, и поднял большой палец:

— Друг, ты сам вытащил Чжан Луна? Круто, ничего не скажешь.

Гу Чанъань посмотрел на него с насмешкой.

Цянь Фэй грубо бросил:

— Чего уставился? Подожди немного! Я доиграю эту партию!

Лицо Гу Чанъаня покрылось инеем, он сжал побелевшие губы, и его взгляд стал острым, как лед.

Остальные игроки на рефлексе поежились и начали подгонять Цянь Фэя: от этого парня с лицом мертвеца веяло таким холодом, что играть дальше было невозможно — того и гляди, со страху наделают в штаны.

Цянь Фэй выплюнул окурок и растер его подошвой:

— Черт побери, я же выигрывал! Никто из вас не смеет меня кинуть, быстрее ходите!

Чжан Лун, шатаясь и капая водой, непрерывно бормотал:

— Я потерял свои туфли... я потерял свои туфли...

У всех присутствующих по коже побежали мурашки. Днем, при свете солнца — и такая жуткая

сцена. Они переглянулись, бросили карты и в ужасе разбежались.

— Я вашу мать... — выругался Цянь Фэй, помянув всех предков этих парней до восемнадцатого колена. Он собрал карты, стянул их резинкой и, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к ним. Он похлопал Чжан Луна по мокрому лицу, испачкал руку в воде и брезгливо вытер ее о штаны. — Чжан Лун, Чжан Лун, ну что с тобой такое? Зачем полез в воду?

Гу Чанъань холодно произнес:

— Сейчас не время для пустой болтовни. Помоги мне.

— Как помочь? Он же весь мокрый, — Цянь Фэй испугался, что его одежда намокнет. — Жди, я пойду еще кого-нибудь поищу.

Сказав это, он убежал, позвякивая золотой цепочкой на штанах.

Вены на висках Гу Чанъаня запульсировали. Он усмехнулся:

— Видал? Вот он — твой лучший дружок.

Чжан Лун был погружен в свой мир, его глаза бегали по сторонам — он искал туфли.

Гу Чанъань прошептал ему на ухо:

— Чжан Лун, ты не терял туфли. Ты их не терял.

Чжан Лун бессознательно повторил:

— Не я потерял... я не терял...

— Верно, — Гу Чанъань говорил медленно, с нотками гипнотического внушения. — В ту ночь ты вышел в туфлях и встретил человека. Кто это был? Вы были знакомы, вы были хорошими друзьями. Ты снял туфли, а что сделал потом? Закрой глаза и вспомни.

Чжан Лун опустил голову, замер. Гу Чанъань только приблизился, как тот резко поднял голову. В его красных глазах застыл ужас.

— Потерял... туфли потерял... нельзя терять... где мои туфли... я должен найти свои туфли...

Гу Чанъань продолжал внушение:

— Ты сам надел свои туфли на чужие ноги и притворился, что потерял их. Почему ты это сделал? Потому что тебе нельзя было, чтобы кто-то узнал. Вспомни, что ты сделал в тот день.

Чжан Лун сел на корточки, схватился за волосы и закричал — этот крик пробирал до костей.

В этот раз Цянь Фэй действительно привел людей, причем довольно быстро.

Гу Чанъань следовал за ними, пока Чжан Луна не завели в дом. Только тогда он свернул в переулок, сел в углу у стены и дрожащими руками набрал Личунь:

— Приезжай, заberi мой труп.

Он сбросил вызов.

— Кхе... кхе-кхе...

Гу Чанъань слышал женский кашель. Звук был совсем рядом, будто женщина припала к его уху. Стоило ему обернуться, и он увидел бы ее лицо.

Кашель стал громче, судорожнее, словно женщина пыталась выкашлять свои легкие.

Гу Чанъань прикусил язык, чтобы успокоиться. Прислушавшись, он понял, что кашель доносится с другой стороны стены. Соседка Чжан Луна.

Виски пронзила острая боль. Напротив Чжан Луна жил его брат Чжан Пэн, слева — бабушка с внучкой, а справа — эта женщина.

Гу Чанъань никогда раньше не бывал в этом районе, и сейчас его охватил беспричинный страх — вероятно, из-за этого кашля.

Когда Личунь примчалась, ресницы Гу Чанъаня уже покрылись инеем. Она легко, как куклу, взвалила его на спину.

— Чанъань, ты как?

Голос Гу Чанъаня дрожал:

— Плохо... очень плохо.

Личунь откуда-то раздобыла машину — не свой мопед, а настоящий автомобиль на четырех колесах. Она усадила его внутрь и сунула в руки грелку.

— Не спи, скоро будем дома.

Гу Чанъань обхватил грелку, сгорбившись от боли. Кости ныли, словно тысячи игл впивались в суставы.

Личунь постоянно смотрела в зеркало заднего вида:

— Чанъань! Чанъань! Не спи! Чанъань!

Глаза Гу Чанъаня закрылись, голова безвольно упала на спинку кресла, с волос капала вода.

Никакой реакции.

Личунь в отчаянии решила применить козырь. Она во весь голос запела:

— Великая река течет на восток, звезды в небе указывают на Северный ковш, эй-эй-эй, на Северный ковш!

Веки Гу Чанъаня дрогнули. Он прошептал слабым голосом:

— Ужасно поешь.

Личунь выдохнула. Она продолжала вести машину и пыталась завязать разговор:

— Этот Лу Чэн, он ведь такой красавчик, признай?

Услышав это имя, онемевшие нервные окончания Гу Чанъаня слегка отозвались:

— Не красивее меня.

Личунь продолжала его провоцировать:

— Чанъань, ты такой хрупкий, болезненный красавец. А Лу Чэн другой, он выглядит таким мужественным, настоящий мужчина.

Гу Чанъань с презрением скривил губы:

— А я, по-твоему, нет?

— Ну, честно говоря, не особо, — ответила Личунь.

— ...

Гу Чанъань расстегнул мокрую куртку, засунул грелку прямо к холодной коже и, не открывая глаз, бросил:

— Не смотри.

Личунь, пойманная с поличным, отвела взгляд от зеркала и буркнула:

— Кто, кто смотрел?

Гу Чанъань выдавил:

— По фамилии Ли, по имени Чунь, бесстыдница.

Личунь едва не задохнулась от возмущения.

Гу Чанъань тяжело заболел. Когда он пришел в себя, уже наступил вечер. Только рядом с Личунь он мог позволить себе расслабиться и заболеть, не беспокоясь о том, что нужно быть начеку.

— Очнулся, Чанъань очнулся! — Личунь схватила Лу Чэна за руку, сияя от радости. — Лу Чэн, с ним всё хорошо.

— Вот и ладно, — Лу Чэн незаметно высвободил руку из ее хватки.

Гу Чанъань перевел взгляд с побеленного потолка на них двоих и хрипло спросил:

— Ребята, еда есть?

Лу Чэн и Личунь переглянулись:

— ...

Гу Чанъань съел три булочки и выпил пачку молока, его состояние немного улучшилось. Он не мог больше лежать в постели, встал, опираясь на стойку для капельницы, размялся и спросил про оплату лечения.

Личунь кивнула в сторону Лу Чэна.

Гу Чанъань подошел к нему:

— Лу Чэн, спасибо.

Лу Чэн словно не расслышал:

— М?

Гу Чанъань повторил:

— Я верну деньги за лечение, как только вернусь.

— Не нужно, — улыбнулся Лу Чэн. — Эти деньги — сущий пустяк.

Тон был мягким, но врожденное благородство и высокомерие скрыть было невозможно — он смотрел на всех свысока.

Гу Чанъань скривился.

Глаза Личунь загорелись. Она не ожидала, что в этой жизни ей посчастливится познакомиться с богачом. Она пододвинулась к Лу Чэну и с улыбкой спросила:

— Лу Чэн, ты очень богат?

Лу Чэн приподнял бровь:

— Денег куры не клюют.

Личунь ахнула. Этот друг был просто находкой!

Когда Лу Чэн вышел из палаты, Гу Чанъань спросил Личунь:

— Ты видишь призраков?

Личунь удивилась:

— С чего такой вопрос?

— Просто спросил.

Личунь погрызла ноготь:

— В обычных условиях — нет.

— А при каких условиях?

— Не знаю, пока не доводилось. — Она легла на кровать, приблизив лицо к его. — Как увижу, сразу скажу.

— Отвали.

Гу Чанъань оттолкнул ее голову. Он нахмурился, размышляя: если Чжан Лун умрет, дело усложнится. Ложь мертвецов куда труднее разоблачить, чем ложь живых.

Ему нужен помощник, это он понял после случившегося. Проблема в том, что о Рыбе лжи нельзя рассказывать посторонним, а значит, нужно быть начеку.

Личунь опустила голову и начала теревать пальцы:

— Чанъань, я должна тебе кое-что сказать.

Гу Чанъань не выдержал:

— Говори, только перестань делать это странное движение руками!

Личунь зыркнула на него, но продолжала:

— Когда я тебя привезла, ты был как лед, даже дыхание холодное. Я так перепугалась, просто не знала, что делать, поэтому я...

Она положила руки на молнию куртки и сделала движение, будто собирается ее расстегнуть.

Гу Чанъань в ужасе воскликнул:

— погоди, ты что...

— Нет, не я, Лу Чэн, — Личунь продолжила имитировать раздевание. — Я позвала его, он переложил тебя под одеяло, а потом снял верхнюю одежду. Я не решилась смотреть и отвернулась, но, судя по звукам, он разделся сам и лег с тобой, чтобы согреть своим телом... ну, ты понимаешь.

Она добавила с серьезным видом:

— Но не волнуйся, я не уходила. Я всё время стояла в комнате, отвернувшись. Вскоре он сказал, что всё в порядке. Я обернулась и увидела, что твои руки и ноги перестали быть ледяными. Это было так удивительно.

Гу Чанъань молчал.

Личунь продолжила:

— Ты так и не проснулся, будто спал, а ночью поднялась высокая температура. Он вместе со мной привез тебя в больницу.

Гу Чанъань всё так же молчал.

Личунь осторожно спросила:

— Чанъань, ты в порядке?

Лицо Гу Чанъаня было мрачнее тучи. В порядке? Да уж, в полном. Пора покупать кондиционер.

Уходя, Личунь вспомнила вопрос, который задавал Гу Чанъань, и серьезно сказала:

— Чанъань, если увидишь призрака, не забудь сфотографировать и прислать мне. Я выложу в соцсети, это соберет кучу лайков и комментариев...

— Можно даже стрим запустить, правда! Увидишь призрака — включай трансляцию, и тогда ты...

Гу Чанъань ответил:

— Тогда я отправлюсь на небеса.

Личунь вернулась к кровати и ущипнула его за щеку:

— Не будь таким пессимистом. Даже если у тебя ничего не останется, у тебя есть это лицо.

Гу Чанъань:

— ...

Личунь не знала о Рыбе лжи, она знала лишь, что у семьи Гу есть свои тайны, что он и старик — не обычные люди. А бабушка... бабушка была себе на уме, и переживать о том, что она может узнать, было бессмысленно — только лишние нервы.

Сейчас Гу Чанъаня больше волновало то, что произошло после того, как Лу Чэн «всё снял».

Чем больше он думал об этом, тем сильнее раздражался. Гу Чанъань сжал кулак и постучал по лбу. Старик говорил, что при рождении он был почти мертв, как выжил — неизвестно, но с детства у него было слабое здоровье. Он выучил всё, что нужно, достиг мастерства во всём, но тело так и не стало крепче.

Зимой он был как дохлая рыба.

Вскоре после ухода Личунь вернулся Лу Чэн. Он закрыл дверь и спросил:

— Личунь ушла?

Гу Чанъань уставился на пакет в его руках:

— Угу.

Лу Чэн достал из пакета лепешку и протянул парню:

— Печеный картофель закончился, купил это. Еще горячая, ешь.

Неизвестно, было ли это игрой воображения, но Гу Чанъань почувствовал себя щенком.

Лу Чэн придвинул стул, сел, закинув ногу на ногу, и едва заметно улыбнулся:

— Она тебе рассказала?

<http://bllate.org/book/19143/1880132>